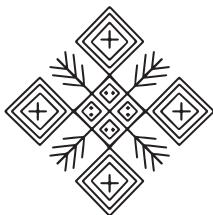

Содержание

1. Недобрая весть	5
2. Сваты	21
3. Злая чаща	41
4. Спутник	62
5. Клетка	82
6. Свадьба лиходея	104
7. Зверь или человек?	127
8. Доля изгоев	152
9. Предвестники новой жизни	178
10. Праздник Весны	207
11. Генерал Моль	235
12. В преддверии	255
13. Ловушка	276
14. Два сражения	293
15. Сильнее судьбы	315
16. Вина безвинных	342
17. Превращения и осколки	368
18. Возвращение теней	397
19. Тайна песен	423
20. В путь...	455

1. Недобрая весть

Коте уже давно казалось, что за ней наблюдают. Кто-то смотрел из леса, не человек и не зверь — некая тень, неназванное создание. Его оранжевые глаза временами мерцали сквозь заснеженные лапы елок, потом исчезали на какое-то время, и мысли занимала обычная крестьянская работа.

Коромысло туго давило на плечи. Тело привыкло к тяжелому труду — ткать, прядь, ходить за скотиной, смотреть за младшими детьми, стирать белье в полынье. Теперь Котя несла два больших деревянных ведра студеной воды. За ровной походкой следить не приходилось, больше заботил силуэт, что мелькнул у кромки леса и напугал возле проруби.

Показалось, словно кто-то смотрит из чащи, тихонько хрустя заиндевевшими ветками. Зимой темнело рано, и в сгущавшихся сумерках отчетливо блеснули два рыжих огонька. Нечто колыхалось невнятным обликом и вскоре метнулось прочь, задевая смерзшийся валежник. Оно не напоминало ни одного знакомого зверя, и почудилось, словно от смутной тени исходит неясное безмолвное пение. Захотелось поскорее вернуться в деревню под защиту частокола, услышать голоса людей. А то рассказывали в страшных легендах, что порой ночами рыщут по лесу создания из других мест, из-за Барьера.

— Котя, поторопливайся! Где тебя Хаос носит? — уже доносился от ворот голос матери.

Ласковых слов за свои семнадцать лет Котя почти не слышала, особенно от отчима и двух его старших жен. Мать-то он

взял из жалости, опозоренную, с пятилетней дочкой. Котя поспешила с коромыслом, вскоре забывая о наваждении, лишь растирая намятые плечи и встряхивая длинной темной косой.

— Котя, помоги в избе старшой жене. Ну? Бегом-бегом! Ты ее знаешь, — поторопила мать, едва дочь сняла в сенях теплый платок.

— Да, матушка, — ответила Котя, не вкладывая в голос никаких эмоций. Из отрывистых приказов и состоял ее день. А ведь когда-то все было иначе... Уже очень-очень давно.

Юлкотена — так называл ее отец, настоящий отец, богатый торговый гость, который восемнадцать лет назад прибыл в их деревню из далеких стран на чудесном большом корабле с косыми парусами.

Гордый, самоуверенный и умный, он очаровал одну девушку и даже взял ее в жены, скрепив союз под священным дубом в присутствии друида. Мать рассказывала, что какое-то время они были по-настоящему счастливы. Гость обещал осыпать ее сапфирами, обрядить в лучшие меха, украсить платья бирюзой под цвет глаз. Он рассказывал о дальних странах, где водились гигантские осьминоги, поведал и о закатном крае — границе Хаоса. Попутно он продавал селянам свой диковинный товар, сопровождая каждую вещицу увлекательной историей.

В их местах деревни, окруженные частоколом, не отличались богатством, поэтому жители все больше смотрели, слушали и дивились. Но гость и не за тем прибыл: его сопровождали две дюжины лучших охотников. Вместе они ходили на пушного зверя, иногда к ним присоединялись и доверчивые местные. Всем казалось, что так об их деревне узнает весь мир, придут и другие купцы, а там из забытого поселения и город вырастет. Как же все ошибались...

«Никогда никому не поверю!» — с тех пор твердила себе Котя. Она смутно помнила, как отец укрывал ее высушенными шкурами, говоря, что ей пойдет добрая шубка, обтянутая сверху голубым шелком. Она смеялась, а он называл маленькую непоседу Юлой. Но вскоре это имя пришлось забыть на всегда.

Пушной промысел пошел на убыль, потому что охотники слишком жадно разоряли леса с поздней осени до ранней весны. Да еще летом случилась засуха, вспыхивали пожары, и животные уходили в другие места или же задыхались в дыму. Промысел совсем оскудел. Тогда торговый гость из доброго отца превратился в раздражительного тирана. К тому же бедная мать сильно захворала, и отец обвинил ее в том, что она больше не сможет родить ему детей, особенно сына. Мать сначала плакала, но потом гневно кричала, разбивая глиняные крынки. Котя тогда пряталась под лавку или забивалась в угол на теплой печи.

Тот год запомнился ей страшными воплями и руганью. А потом отец однажды выхватил кривой заморский нож и замахнулся на маму. Котя истошно завизжала, и в избу ворвались мужики-селяне с вилами и копьями.

— Убийца! Уходи из нашей деревни, — негодовали они, потрясая нехитрым оружием.

— Она же твоя жена! — восклицала старуха, жена старейшины.

Тогда отец резко выпрямился, небрежно скривившись:

— Да что мне ваши традиции? Я у себя на родине пятерых в жены возьму.

— Ну, так и увези ее! Увези с собой. Не может она родить тебе сына? У нас тоже так бывает, вторую жену берут, но первую не выгоняют, — сетовала старуха, пытаясь примирить распадающуюся семью.

— Нужна больно! Она мне надоела, слишком строптива.

Так он и ушел, торопливо поднялся на свой корабль, доверху груженный пушниной, и, едва сошел лед, унесся вниз по быстрой реке вместе со своими молодцами. Из опустевшего и словно осиротевшего дома он забрал все ценные вещи, которые посчитал исключительно своими.

От него Коте остались только смоляно-черные волосы, а вместо обещанных сапфиров и бирюзы на ее лице светились ярко-синие глаза, как и у матери. В остальном приходилось довольствоваться малым: простая тусклая одежда, вышитая до-

мотканая рубаха и сарафан. Обычно она донашивала старые вещи жен отчима. В новом доме их с матерью воспринимали кем-то вроде прислуги.

— Привадила его, синеглазая змеюка, а он вон все наши леса разорил, — часто понукала старшая жена, огромная круглолицая баба, родившая отчиму семерых сыновей, из которых выжили целых шестеро. Трое старших уже женились и построили рядом свои избы, младшие же наполняли дом вечным шумом.

— Мы-то думали, что придет, нас потом куда пригласит, торговые пути к нам потянутся, — фыркала вторая жена, тощая и худая, как палка. — А ты вон только прижила вторую змеюку. А у нас теперь в лесах не осталось даже лисиц. Да какой там — белок.

Лисиц и правда давно никто не видел, все больше рыскали волки, выслеживавшие оленей, но зайцы и белки часто мелькали в зарослях. Просто отчим никогда не приносил с охоты хорошей добычи, поэтому средняя жена винила во всех неудачах окружающих.

Мать только зло стискивала зубы, она научилась молчать. Ее сердце, казалось, умерло, ушло по реке вместе с унесшимся в далекие страны кораблем. Она только выполняла грязную работу по дому и временами срывалась на дочери, уже ничего не ожидая от жизни.

— Котена! Ты коровам корм задала? Чтоб тебя Хаос взял, как же ты долго!

— Да, матушка, все сделала, — отвечала обычно Котя.

После ухода отца балованная девочка тоже научилась молчать, хотя сначала было тяжело, ужасно тяжело. Ее разум и душу прожигало это непростительное предательство. Сколько раз она засыпала под чудесные истории о морских походах, о том, что корабли порой подходили к краю света, который оканчивался прозрачным магическим Барьером. А за ним — Хаос. Нечто, окружавшее их мир, место, где жили страшные чудовища. Детское воображение рисовало самые невероятные картины.

Лет в двенадцать Котя мечтала сбежать из деревни, стать отважным мореплавателем, увидеть своими глазами все чудеса. Но мечты оставались мечтами, а монотонная тяжелая работа день ото дня подтачивала веру в свои силы. Дни начинались одинаково: встать, умыться, быстро помолиться духам, покормить скотину, убраться в хлеву, принести воду из колодца или из реки. Осенью наступала страда, хотя лесная почва, удобренная еловыми колючками, плодоносila скучно. Большим почетом в селении пользовались умелые охотники, а не пахари.

Вечерами все женщины в доме ткали и пряли под мерцающим светом лучины. Старшая жена неплохо пела, но у Коти не оказалось такого таланта, зато она научилась вышивать красивые узоры. Красная нить обычно вилась по краю льняной рубашки, превращаясь в традиционный орнамент-оберег — если запечатать им рукава, ворот и подол, то никакая злая сила не принесет хворей и бед. Хотелось в это верить, а если уж кто-то заболевал, то говорили: неправильно составлен узор.

Поэтому юная мастерица всегда внимательно рассматривала работу, но как-то раз ее посетили смутные сомнения. Она пыталась вышить птиц, цветы и круги оберегов, но у нее непривычно получилось нечто иное. Птицы напоминали сказочных животных без четкой формы и названия. И еще в голове она снова услышала неясный зов, как тогда, у проруби. Вышивка ожила для нее новыми образами, на миг словно наяву блеснули два оранжевых огонька. Сделалось страшно.

— Что это у тебя за звери? — встрепенулась вторая жена, отвлекая от завороженного созерцания.

— Не знаю, — вкрадчиво ответила Котя, недовольно хмуриясь. Она ненавидела, когда ей приказывали, но не могла ничего возразить. Если ее брали или били, то она просто угрюмо молчала, научилась от матери. Объяснять или оправдываться она не умела, поэтому средняя жена замолчала, только бросив:

— Сама носить будешь. Если неправильный узор тебя сгубит, себя вини.

Котя ничего не ответила, как обычно. Казалось, она молчала и копила злобу, а каждый новый удар судьбы делал ее толь-

ко сильнее и упорнее. Она надеялась выбраться, все еще верила, что однажды все изменится.

Как-то раз, в пятнадцать лет, Котя напрашивалась в ученики охотника. Старик с косматой седой бородой рассмеялся и отказал, за ухо приведя девчонку обратно на двор.

Ох, как ей за это всыпал отчим! А его старшая жена потом носилась за ней по двору с хворостиной, но проворная девчонка вскочила на крышу курятника. Толстая баба опешила от такой прыти и ловкости, оставшись на земле и потрясая своим «грозным» оружием. Сначала она требовала немедленно слезть, но иногда Котю не удавалось пересилить никому. Она чувствовала, что на высоте до нее никто не доберется, при этом сама не помнила, как это ей так удалось.

— Точно кошка! Рысь! — немного остыv, уже спокойнее злилась старшая жена. — Ух, тварь лесная! Кем только был твой отец? Не созданием ли Хаоса? Чужеземец проклятый!

— Да нет, сама я такая уродилась, — почти насмехалась девчонка. — Какое же создание Хаоса! Он как человек выглядел.

— Мало ли как выглядел, змеюка ты этакая! У тварей Хаоса нет формы, они тебе превратятся в кого угодно при желании. Ну! Ты слезать собираешься?

После того случая Котя все-таки доказала, что годится не только для прядки: ей разрешили охотиться на зайцев и другую мелкую дичь. Только времени на это совсем не оставалось. Быт женщин вращался вокруг двора и дома, где неизменно находилось множество важных дел. С возрастом строптивости поубавилось. За два года появилась некая степенность, если не сказать проще — обреченность.

— Это несправедливо. Мы работаем-работаем, а никто даже не видит, — еще в детстве протестовала Котя.

— Таков труд женщин. Если мы перестанем работать — увидят. И это уже будет худо, — настойчиво объясняла мать.

Тогда в ее тоне появлялись прежние ласковые нотки. Впрочем, тут же возникало какое-нибудь важное поручение, и она снова отсыпала от себя дочь. Коте все больше казалось, что

мать воспринимает ее как главную ошибку своей жизни, а редкие проявления любви к своему чаду — это временное забытье, воспоминание о тех коротких пяти годах рядом с торговым гостем, рядом с мужем.

«Может быть, я найду его однажды!» — думала иногда Котя. Порой она представляла, что отправится в дальние странствия на большом корабле, чтобы отомстить отцу, ворвется в его богатый дворец, который она видела большой избой, приставит к горлу нож и потребует ответов за содеянное.

Но если случалась ссора с матерью, то воображение рисовало уже другие образы: вот она мчится под косым парусом, возвращается к убежавшему отцу, а он вспоминает ее и оставляет жить рядом с собой в довольстве и неге. Но потом либо наступало утро, либо кто-то отвлекал, и оживающие иллюзии таяли, точно облачка тумана над многочисленными болотами.

Она неизменно оставалась пленницей двора, выходили женщины в основном летом-осенью в страду или за ягодами или грибами. В остальное время Котя убирала за скотиной, вычищала золу из печи, подметала полы, а до более приятных дел, например почти священной выпечки хлеба, ее и не допускали. В большой семье отчима ее считали чужой. Кажется, общее негласное клеймо с годами начала разделять и мать.

— Ты-то здесь никто, сиди тихо, — негромко говорила она перед сном, когда они лежали рядышком на широкой лавке. — Меня вон вроде как женой взяли, а тебя вот-вот выдадут замуж за какого-нибудь старика или убогого.

— Зачем меня замуж? Я не хочу, — устало отвечала Котя.

Она не считала, что замужество принесет ей хоть что-то хорошее. Быть хозяйкой в своей избе рядом с постылым человеком — никакой радости. Хотела бы она по любви, по зову сердца, чтобы делить вместе скорби и радости. Как говорили перед духами в день заключения брака: две жизни — одна судьба. Вот так и мечтала Котя, надеялась, что все-таки найдется ей однажды красивый любящий муж.

Но добрые симпатичные парни из общины на нее и не смотрели, вернее, им запрещали отцы, напоминая о мрачном чу-

жеземце, который разорил их лес, вогнав деревню в страшную нищету. Об их селении со временем отплытия торгового гостя, кажется, никто не вспоминал. Только летом приезжали за княжьей данью.

— Ну, надо так. Всех выдают, даже если приемная, — вздохнула мать. — Красивая ты в отца, вот вторая жена и злится. У нее-то две дочки не пойми что, рябые, кривоногие. Тыфу! А сначала им надо, потом уже тебе жениха искать. Сбагрят тебя, кровинка моя несчастная, и не увидимся больше.

Котя только плотнее прижалась к матери, но та по обыкновению не ответила на мимолетную нежность, не позволила себе снова оттаять. Она как будто боялась, что ее отвергнет собственная дочь. И со временем Коте уже не хотелось проявлять ласку и искать защиту у матери. Долгими ночами они просто лежали на узкой старой лавке спина к спине: отчим не очень-то часто приглашал мать к себе. Обычно он спал на печи с первой женой, которую еще в юности взял по любви.

Вторая же появилась, когда все думали, что первая больше не родит детей. Но тощая болезненная женщина произвела на свет только двух дочерей, которые к тому же переболели в младенчестве какой-то пакостной хворью, едва не умерев и оставшись несчастными дурочками. Зато первая жена в то время с гордостью показывала всем свой живот и через положенный срок родила здоровых мальчиков-близнецов.

Котя подсчитывала, что рябым несуразным девочкам уже исполнилось четырнадцать весен — через год и жениха пора искать. Значит, и ее ждала подобная участь, но еще не очень скоро. Пусть и наступала скоро ее восемнадцатая весна, приемную дочь не выдали бы раньше родных, в деревне ее уже считали почти перестаркой. Но Коте это не претило, она даже радовалась, ведь хотя бы ночью ее никто не трогал. Не скоро, еще не скоро — от этой мысли в тот вечер удалось успокоиться и заснуть.

А всего через пару дней мать вбежала на двор с лихорадочно горящими глазами. Дочь испугалась, что ту хватил удар или преследует злой дух из леса.

— Котя! Котя, доченька!

— Что с тобой? Родная, что с тобой? — вскинулась она, отвлекаясь от квохчущих кур и птичьего помета на соломе.

— Тебя выдают замуж!

Что-то оборвалось, сердце замерло, а в глазах потемнело. Неизбежность этого события всегда маячила где-то далеко на горизонте. Но теперь страшная весть влетела слишком быстро вместе с растрепанной матерью, платок которой вился по ветру, словно плащ выюги.

— Ох, и за кого... За кого! Котя, доченька моя, — стенала мать, из глаз ее брызнули слезы. И в тот миг словно выплеснулись все чувства, которые она сдерживала все эти годы.

— Расскажи все по порядку! Я ничего не понимаю! — решительно прикрикнула на нее дочь, хотя саму ее сковывал страх.

— Да, да... за кого. Отчим твой ездил на торг в богатое селение, возил наши шкурки на продажу. Чем мы еще богаты...

— Ну, да-да! Вчера уехал!

— Сегодня вон вернулся... К воротам ехать боится! Его там дурманом каким-то подпоили, он и не помнит, кто это был. А потом за стол посадили с игрой злой, на деньги. Так он все, что со шкурок получил, все проиграл.

— А где же он сам?

— Его жена старшая у околицы бранит, да так бранит, что сам Хаос услышит, — стонала мать, размазывая слезы. — Приехал-то весь грязный, да у саней полозья поломанные. Ух... Хаос его возьми!

Бедная мать с непривычной злобой погрозила воротам, обернувшись, но потом снова засилась слезами.

— И что же дальше? — Котена уже смутно догадывалась, стискивая дрожащие кулаки, словно тоже желала ударить невидимых обидчиков.

— Дальше... О... О-о-о! Мы здесь люди все простые, считать-то толком не умеем, не то что играть, все в удачу какую-то верим. Он-то все проиграл, но помолился духам и думал, что отыграется: поставил свою жизнь. Его убить хотели! Ой-ой-ой, кровинка моя несчастная... Что бы с нами всеми было!